

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-1-91-100

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЦЕПЦИЯ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ПРИТЧИ О СЕЯТЕЛЕ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XIX В.

Косяков Г. В.

*Военный институт (инженерно-технический) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва Министерства обороны РФ
191123, г. Санкт-Петербург, ул. Захарьевская, д. 22, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Раскрыть типологию поэтической рецепции Притчи о сеятеле в русской поэзии XIX в. Данная цель обусловила следующие задачи: выявить парадигмальный религиозный код Притчи о сеятеле, проанализировать художественные формы её рецепции, прояснить индивидуальные жанровые и стилистические решения русских поэтов в развитии мотивов и образов евангельской притчи.

Процедура и методы. Проанализирован корпус лирических текстов А. С. Пушкина, Е. А. Боратынского, А. С. Хомякова, Н. П. Огарёва, Н. А. Некрасова. Выбор данных разноплановых поэтов помогает раскрыть концептуальный характер культурного кода Притчи о сеятеле для русского художественного сознания, многогранность художественной рецепции евангельского источника. Используются культурно-исторический метод, метод сравнительного анализа, а также методики целостного и интертекстуального анализа. Основное содержание исследования составляет анализ развития мотивов пророческого служения, подведения жизненных итогов, духовного покоя и свободы.

Результаты. Проведённый анализ показал значимость евангельской Притчи о сеятеле для русской поэзии и её неразрывную связь с национальными концептами слова, духовной свободы и покоя. По итогам исследования сделан вывод об общности, преемственности и индивидуальных различиях рецепции Притчи о сеятеле. Евангельские аллюзии и реминисценции в произведениях русских поэтов раскрывают христианскую метафизику бессмертия, приобретают эсхатологическую направленность.

Теоретическая и/или практическая значимость. Статья вносит определённый вклад в изучение жанра притчи в истории русской литературы, в осмысление художественной религиозности и философичности русской классической литературы. Материалы публикации могут быть использованы в вузовском преподавании истории русской литературы, в подготовке примечаний к лирическим текстам.

Ключевые слова: интертекстуальность, притча, религиозность, реминисценция, рецепция

ARTISTIC RECEPTION OF THE GOSPEL PARABLE OF THE SOWER IN RUSSIAN POETRY OF THE 19TH CENTURY

G. Kosyakov

*Military Institute (Engineering and Technical), Military Academy of Logistics
named after General of the Army A. V. Khrulev of the Ministry of Defense of the Russian Federation
ul. Zaharjevskaja 22, St. Petersburg 191123, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal the typology of the poetic reception of the Parable of the Sower in Russian poetry of the XIX century. This goal determined the following tasks: to identify the paradigmatic religious code of the

Parable of the Sower, to analyze the artistic forms of its reception, to clarify the individual genre and stylistic solutions of Russian poets in the development of motives and images of the gospel parable.

Methodology. An analysis of lyrical corpus of A. S. Pushkin, E. A. Borotynsky, A. S. Khomyakov, N. G. Ogarev, N. A. Nekrasov is presented. The choice of these diverse poets helps to reveal the conceptual nature of the cultural code of the Parable of the Sower for the Russian artistic consciousness, the versatility of the artistic reception of the gospel source. The cultural-historical method, the method of comparative analysis, as well as methods of holistic and intertextual analysis are used. The main content of the study is the analysis of the development of prophetic ministry motifs, summing up life results, spiritual peace and freedom.

Results. The analysis showed the significance of the Parable of the Sower for the Russian artistic consciousness and its inextricable connection with the national concepts of spiritual freedom and peace. According to the results of the study, a conclusion was made about the commonality, continuity and individual differences of Russian poets in the reception of the Parable of the Sower. Evangelical allusions and reminiscences in the works of Russian poets reveal the Christian metaphysics of immortality, acquire an eschatological orientation.

Research implications. The work makes a definite contribution to the study of the genre of the parable in the history of Russian literature, to the understanding of artistic religiosity and philosophical character of Russian classical literature. The materials of the publication can be used in university teaching of the history of Russian literature and preparing notes to lyrical texts.

Keywords: intertextuality, parable, religiosity, reminiscence, reception

Введение

Притча – один из древнейших эпических жанров мировой литературы, который в иносказательной художественной форме воплощает дидактическое, философское или религиозное содержание. С. С. Аверинцев определял притчу как «дидактико-аллегорический жанр»¹. Притчи строятся на основе развёрнутых сравнений, аллегорий или метафор, в основе которых лежит уподобление явлений духовного мира физическому, природному миру. Данный жанр имеет фольклорные истоки и изначально предполагал устный характер исполнения. Притча может функционировать автономно, а также включаться в тексты различных жанров. Евангельские притчи оказали влияние на формирование концептосферы русской классической литературы, на становление фразеологии русского языка, магистральных метафор и сравнений. Жанр притчи сыграл значимую роль в развитии древнерусской словесности, а позднее и русской классической литературы. Поэтика жанра притчи изучается в трудах таких отечествен-

ных литературоведов, как Е. В. Капинос, Е. Н. Проскурина, Е. К. Ромодановская, И. В. Силантьев, В. И. Тюпа, Ю. В. Шатин, А. В. Шунков и др.

Е. К. Ромодановская подчёркивает значимость жанра притчи для русской культуры: «Как и в большинстве средневековых литератур, в дальнейшем она оказала огромное влияние на всю жанровую систему, её принципы повествования пронизывают самые разнообразные произведения» [14, с. 73]. В частности, притча оказала воздействие на становление и развитие жанров басни [16, с. 7–17], романа [15, с. 119–131], философской прозы в русской литературе. Память о жанре притчи сохраняется и в современном художественном сознании [19, с. 448–454].

В современной науке изучение христианских истоков русской литературы является объектом изучения литературоведов [12, 13], философов, культурологов [7], богословов и педагогов [18]. Особую перспективность в этой связи имеют междисциплинарные исследования притчи.

Притчи широко представлены в древних религиозных текстах. Так, в Ветхом Завете преобладают притчи-сентенции, а в Новом Завете широко представлены притчи-нарации. Евангельские притчи орга-

¹ Аверинцев С. С. Притча // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6 / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1971. С. 20.

нично продолжают традиции ветхозаветных книг. Иисус Христос нёс благую весть через проповеди и притчи: «И поучал их много притчами, говоря...» (Мтф. 13: 3).

Иоанн Златоуст объясняет обращение Спасителя к жанру притчи стремлением к наглядности и предметности, чтобы «слово сделать более выразительнее и очевиднее представить то, о чём говорится»¹. Наряду с этим притча активизирует разум, воображение человека, вызывает эмоциональный отклик, лучше сохраняется в человеческой памяти. Православный мыслитель указывает на то, что притча органично соединяет в себе чувственное и духовное, временное и вечное: «... слова чувственные, а смысл духовный»². Святитель называет евангельские притчи «учением прикровенным»³.

Проповеди и притчи Иисуса неразрывно связаны. Так, Нагорная проповедь, которая, по замечанию современного богослова, архимандрита Ианнуария (Ивлева), соединяет «воедино разрозненные изречения (логики) Иисуса Христа» [8, с. 13–14], завершается Притчей о двух строителях. А. Н. Белецкий, выявляя духовную динамику евангельской притчи, подчёркивает, что она проявляет «глубинное желание» человека обрести Царствие Небесное [2, с. 53]. Евангельские притчи раскрывают свободный выбор человека, призывая его к духовной активности, к обретению Царствия Божиего в душе через веру, смирение, любовь к ближнему.

Иисус, завершая Притчу о сеятеле, подчёркивает, что её смысл открывается не каждому человеку: «Кто имеет уши слышать, да слышит» (Мтф. 13:9). Спаситель объясняет обращение к притче тем, что ограниченная природа человека невосприимчива к божественной истине: «Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют» (Мтф. 13:13). Именно на примере Притчи о сеятеле Иисус

явил опыт её религиозного истолкования. Эта притча, имея сюжетную основу, включает в себя образы, имеющие архаические истоки и широко представленные в текстах Священного Писания: «птицы», «места каменистые», «тернии», «плод». Пейзажные образные детали придают притче ясность, конкретность, зримость. Притча раскрывает, как благая весть принимается или отторгается человеком. Иисус через образ зёрен, посеянных на «каменистых местах», обнажает духовную пагубность легковерия, которое сопровождается скорым отступничеством: «Но не несёт в себе корня и непостоянен: когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазнится» (Мтф. 13:21). Образ терний знаменует человека, который обращён не к обретению Царствия Небесного, а к достижению благ земного мира: «... но забота века сего и обольщение богатства заглушают слово, а оно бывает бесплодно» (Мтф. 13:22). Наконец, «добрая земля» в Притче о сеятеле знаменует души, которые уверовали во Христа, обрели Царствие Небесное, его блаженства. В финале Притчи о сеятеле метафорическое сближение человека и колоса приобретает эсхатологическую семантику.

М. М. Дунаев, осмысляя религиозные истоки русской классической литературы, отмечает: «Религиозность литературы проявляется не только в связи с церковной жизнью и не в исключительном внимании к сюжетам Священного Писания, а в особом способе воззрения на мир» [6, с. 3]. Библейские притчи, наряду с псалмами и молитвами, стали объектом художественной рецепции ещё в древнерусской литературе. В произведениях русских поэтов, прозаиков, драматургов мы находим многочисленные цитаты, реминисценции, мотивы, сюжеты, образы, восходящие к притчам Священного Писания.

Рассмотрим на материале лирических текстов А. С. Пушкина, Е. А. Боратынского, А. С. Хомякова, Н. П. Огарёва, Н. А. Некрасова философские, религиозные представления, связанные с художественной рецепцией Притчи о сеятеле.

¹ Иоанн Златоуст, свт. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского в русском переводе. Т. 8. Кн. 1–2. СПб.: Санкт-Петербургская духовная академия, 1902. С. 220.

² Там же, с. 221.

³ Там же, с. 154.

**Общественно-политический
и пророческий дискурс стихотворения
А. С. Пушкина «Свободы сеятель
пустынный...»**

Источниками для многих произведений А. С. Пушкина (1799–1837) послужили тексты Священного Писания, в т. ч. притчи [5, с. 70–73]. Сама пушкинская концепция «самостоянья человека» как «залога величия его» неразрывно связана с христианством. Русский поэт утверждал в своём творчестве этические ценности любви, свободы и духовного покоя.

Стих из евангельской Притчи о сеятеле служит эпиграфом к стихотворению Пушкина «Свободы сеятель пустынный...» (1823): «Изыде сеятель сеяти семена своя» (Мтф. 13:3). Долгое время данный лирический текст рассматривался в контексте вольнолюбивой поэзии Пушкина. Безусловно, произведение включено в общественно-политический дискурс его эпохи, однако он составляет внешний тематический уровень [10, с. 245–249]. Композиция текста включает две части, которые противопоставлены друг другу: в первой из них развивается образ автора-сеятеля, а во второй (сатирической) – глухого к нему народа. В стилистическом плане произведение характеризуется умеренной архаикой, включая образы, органичные для церковнославянской традиции: «порабощённые бразды», «живительное семя», «благие мысли».

Наличие двух композиционных частей, иносказание, образный лаконизм – все эти приметы традиционного притчевого стиля использует в своём стихотворении русский поэт:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощённые бразды
Бросал живительное семя¹.

Лирический зачин акцентирует духовную ценность свободы, которая имела приоритетное значение для поэта: если в ранний период его творчества развивались вольнолюбивые мотивы, то в поздних произведениях данная этическая ценность приобрела христианский смысл как духовная полнота личности, «самостоянье». Лирический зачин также вводит мотив трагического одиночества.

Значимым образом в произведении является символ звезды. Он встречается и в других произведениях Пушкина, посвящённых теме свободы: «Звезда пленительного счастья» («К Чаадаеву», 1818). В обоих лирических текстах звезда соотносена с наступлением желанной новой эпохи. Данный мотив обращает к евангельской традиции, где рождественская звезда служит символом благодатного преображения мира и человека: «Увидевши же звезду, они возрадовались радостью весьма великою» (Мтф. 2:11). В произведении Пушкина развивается образ пророка как носителя духовной чистоты («рукою чистой и безвинной»), Логоса. Сближение поэта с пророком, характерное для творчества Пушкина, придаёт инвективе не только социально-политическую, но и духовную направленность.

Б. М. Гаспаров, анализируя данное лирическое произведение Пушкина в историко-культурном и биографическом аспектах в контексте эволюции «мессианистических» образов и мотивов, приходит к выводу: «Однако смысл стихотворения служит прямым отрицанием притчи о сеятеле» [4, с. 232]. Если первая часть пушкинского текста соотносена с лирическим субъектом и представляет собой исповедь, автокомментарий, то вторая часть обращена к рабам и представляет собой инвективу. Антитеза проявляется и в композиции стихов второй части произведения:

Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?²

¹ Пушкин А. С. Свободы сеятель пустынный... // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Л.: Наука, 1977. С. 145.

² Там же. С. 145.

Экспрессию, сарказм тексту придают риторические восклицания и вопросы. Постепенно поэтическая речь становится более прямолинейной, сатирической: «Ярмо с гремушками да бич». Образ бича в различных религиозно-этических смыслах представлен в текстах Священного Писания, в т. ч. в целях обличения, ср.: «Бич – для коня, узда – для осла, а палка – для глупых» (Притч. 26:3). Поэт обращается к традиции не только евангельских, но и ветхозаветных притч.

С. Г. Бочаров видит в рассматриваемом лирическом тексте начало «духовного пути» к «Пророку» [3, с. 241]. Именно пророческое обличение сближает пушкинское произведение с традицией псалмов, ср.: «Развратились они и совершили гнусные преступления; нет делающего добро» (Пс. 52:2). Как мы видим, общественно-политический дискурс становится основой для пророческого обличения зла, духовной мертвенности. В произведении Пушкина утверждается поэтическая мысль о единстве духовных и социальных форм зла.

Духовная жатва в элегии Е. А. Боратынского «Осень»

Обращение к символике Притчи о сеятеле мы видим и в элегии Е. А. Боратынского «Осень» (1836–1837), которая является одним из итоговых для русской романтической поэзии текстов. Осенний пейзаж вызывает у автора медитативные, религиозные размышления о смерти и бессмертии, об «осени дней», когда человек собирает духовные плоды своей жизни. В лирическом пейзаже доминирует золотой цвет, который является ключевым в православной иконографии: «золотом трепещет», «золотоверхий град». Соотнося человека с ораем, русский поэт создаёт торжественный образный ряд благодаря старославянизмам: «житейские бразды», «сны позлащённые». Образные представления о покое, духовной полноте сближают это произведение с отрывком А. С. Пушкина «Осень» [11, с. 394–406] и элегией Ф. И. Тютчева «Есть в осени первоначальной...». Сближает лирические

тексты Боратынского и Тютчева образ серпа, построенный на основе метонимии, ср.:

Гуляет серп. На сжатых бороздах...

Боратынский

Где бодрый серп гулял...

Тютчев

В элегии Боратынского осенний пейзаж связан с образом крестьянина, собирающего урожай:

А между тем досужий селянин

Плод годовых плодов собирает¹.

Образность лирического текста приобретает философскую и религиозную масштабность, так как образ орабая утверждает идею подведения человеком ценностных итогов собственной жизни:

Когда тебе житейския бразды

Труд бытия вознаграждая².

Т. А. Алпатова и К. А. Поташова указывают на то, что с элегическим «Я» в произведении русского романтика связан мотив «философских итогов жизни» [1, с. 191]. Боратынский в рассматриваемой элегии, как и во многих произведениях, восходит к религиозно-философским обобщениям. Метафоры «осень дней», «жизненное поле» наполняются философским и религиозным смыслом, знаменующая обретенные человеком духовные плоды: «Считай свои приобретения!..»

Поэтическая концепция Боратынского близка православной этике памяти о смерти, т. к. русский романтик противопоставляет мнимые и истинные жизненные цели, развенчивает человеческую гордыню, страсти. Осень жизни служит ценностной основой для нравственного суда над прожитым. В произведении развивается православное религиозное представление о тоске и духовной мертвенности («смертный сон»). Поэт созда-

¹ Боратынский Е. А. Осень // Боратынский Е. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 3. Ч. 1. «Сумерки». Стихотворения 1835–1844 годов. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 71.

² Там же. С. 72.

ёт развёрнутый пейзаж страдающей души, осознающей свою греховность, которая изображается при помощи экспрессивной метафоры «бесплодных дебрей». Метафоры русского поэта созвучны евангельской Притче о сеятеле. Рефлексия, интроспекция, стыд совести служат основами для религиозного самосознания, просветления.

В элегии утверждается значимость «скорби животворной», принятия бытия, жизни и смерти, смирения, упования на промысел Творца. Осень в природе и в жизни человека позволяет не только обрести духовный покой, но и осознать величие мироздания и его Создателя, отстраниться от земного, временного: «Падёшь с признательным смиреньем». Элегия завершается зимним пейзажем, который служит метафорическим знаком неотвратимости зимы и смерти: «Сравняются под снежной пеленой». Как мы видим, в элегии Боратынского образный ряд знака, жатвы приобретает многогранную этико-религиозную семантику.

Духовный подвиг в стихотворении А. С. Хомякова «Труженик»

Художественное отражение текстов Священного Писания, сопряжённое с глубокими религиозными переживаниями, мы видим в таких произведениях А. С. Хомякова (1804–1860), как «Давид» (1844), «Кремлёвская заутреня на Пасху» (1850), «Воскрешение Лазаря» (1853), «Звёзды» (1856), «Широка, необозрима...» (1858), «Труженик» (1858), «Помнишь, по стезе нагорной...» (1859), «Спи!» (1859). В перечисленных произведениях отражена глубокая вера во Христа, в воскресение из мёртвых, в обретение Царствия Небесного.

Стихотворение Хомякова «Труженик», имеющее программный характер, содержит в себе аллюзии, связанные с евангельской Притчей о сеятеле. Произведение органично соединяет в себе исповедальность, рефлексию и одическую торжественность («пахарь над браздою»). В стихотворении Хомякова, в сравнении с рассмотренным выше лирическим текстом Пушкина, в большей степени проявлены православное мирозерцание и

евангельская образность. Лирические тексты русских поэтов сближают активность авторской позиции: сеятель в пушкинском тексте и пахарь (труженик) в произведении Хомякова противостоят злу, духовной мертвенности. Пейзажный образный ряд в стихотворении славянофила созвучен притчевой традиции: «По жёстким глыбам сорной нивы».

Развитие лирического сюжета в произведении Хомякова диалектично. Во вводной части раскрывается образное представление о жизни как о подвиге и неустанном труде – данная идея отражена во многих произведениях русского поэта, в частности, в его стихотворении «Подвиг есть и в сражении...» (1859). Вторая часть стихотворения «Труженик» передаёт усталость, стремление человека обрести отдых на лоне природы, в изображении которой проявляются эгегические черты: «О тишина полей и вод...» Третья часть знаменует собой грозное воззвание к человеку свыше, которое призывает пахаря к борьбе. В этой части возникает обращение к религиозному представлению о крестных муках Христа, Его спасительной жертве: «Крестом и кровью куплен ты».

В произведении Хомякова развивается ключевой для русской литературы мотив предстояния человека Богу. Финальная часть передаёт смирение и трепет человека, который воспринимает себя в качестве «раба ленивого». В лирическом тексте возникает и молитвенная тональность: финал стихотворения содержит в себе обет лирического субъекта. Преодолевая слабость, пахарь укрепляется в вере и в борьбе. Т. А. Кошемчук, раскрывая евангельское понимание труда и жертвы, выявляет глубинную связь текста русского поэта с Притчей о сеятеле: «Сеятель – Бог, дело же человеческое, труд поэта – вспахать почву, прорезать ниву в человеческих душах» [9, с. 345]. Образ труженика в произведении Хомякова приобретает универсальный характер как раба Божиего, который в земном мире исполняет волю Господа. Финал произведения Хомякова обращает к зачину евангельской Притчи о сеятеле:

Покуда не прорежу нивы,
Господь, для сева твоего¹.

Как мы видим, произведение Хомякова «Труженик» выражает религиозный диалог лирического субъекта и Бога, осознание человеком метафизического смысла земной жизни как неустанной борьбы, духовного подвига и труда.

Притча о сеятеле в контексте русской гражданской лирики XIX в.

Поэтический текст Пушкина «Свободы сеятель пустынный...» стал одним из источников для формирования традиции гражданской поэзии, которая активно развивалась на протяжении всего XIX в. В гражданской поэзии образы сеятеля и зерна занимали значимое место [17, с. 131–147].

Яркими образцами такой лирики служат произведения Н. П. Огарева «До свиданья» (1867) и Н. А. Некрасова «Сеятелям» (1876). Произведения русских авторов сближают проблематика, образность, интертекстуальные связи как с евангельской притчей, так и с рассмотренным лирическим текстом Пушкина.

Произведение Огарёва «До свиданья», как и пушкинский текст, соединяет в себе сатирическую образность («помещичье племя», «царю испуганному») и торжественную образность, пророчески обращённую в будущее:

Как Русь торжественно и стройно,
И непорывисто смела,
С сознанием доблести спокойной².

В поэтическом отношении анализируемый лирический текст отличается простотой, ясностью, прямолинейным выражением авторской позиции. Основным средством введения авторской оценки выступает художественное определение: «старый слух», «тя-

гостное бремя». Огарёв создаёт динамичный акустический образный ряд: «смолкает», «раздастся звон», «услышится», «звонит».

Автор использует разнообразные фигуры поэтического синтаксиса: анафоры, антитезы, сравнения. По принципу контраста соотносятся лирический зачин и финал поэтического текста, ср.:

Смолкает «Колокол» на время...

Звонит во все колокола.

Развитие темы свободного слова вызывает реминисценции, связанные с пушкинским поэтическим текстом и евангельской притчей:

Раз насаждённые по нивам
Свободы юной семена³.

Реминисценция оформляет ключевую метафору произведения Огарёва. Поэт развивает пушкинский метафорический ряд, указывая на «юные» всходы. Огарёв, как и Пушкин, использует контрастный принцип построения стиха: «К свободной правде снова глух».

Послание Некрасова «Сеятелям» (1876) имеет программный, итоговый характер. Лирический зачин, вводя евангельские по своим истокам метафоры, подчёркивает значимость просвещения русского народа: «Сеятель знания на ниву народную!» Образ народа, возникающий в первом и в финальном стихах, придаёт композиции лирического текста кольцевой характер.

В послании проявляются и полемичность, и дидактичность. Небольшой по объёму лирический текст, представляющий собой развёрнутое обращение, насыщен фигурами поэтического синтаксиса, которые придают произведению торжественность: риторические вопросы, риторические восклицания, анафоры, инверсии, синтаксический параллелизм. Поэтика текста органично соединяет в себе возвышенное, патетическое и бытовое, фольклорное («с полными жита кошницами»). Евангельская притча воплощается в кон-

¹ Хомяков А. С. Труженик // Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л.: Советский писатель, 1969. С. 145.

² Огарёв Н. П. До свиданья // Огарёв Н. П. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1956. С. 400.

³ Там же. С. 400.

тексте народнопоэтической образности. В. Даль определяет значение слова «жито» как «всякий зерновой, немолотый хлеб»¹. В послании Некрасова слово «жито», как и в народной речи его эпохи, становится многозначным образом, который ориентирует не только на посев, но и на всходы: «Густое жито (всход) веселит, а редкое кормит»².

Композиция лирического текста оттеняет процесс авторского размышления. Если в его первой части поэт, обращаясь к собирательному лирическому адресату, стремится выяснить причины неудач просвещения народа, в связи с чем возникает ряд вопрошаний, то во второй части доминируют императивная модальность, пафос утверждения:

Труд засевающих робко, крупницами,
Двиньте вперёд!³

В произведении Некрасова, в отличие от пушкинского текста, «всходы хилые» обусловлены в том числе отсутствием должной энергии «сеятеля»: «Робок ли сердцем ты?» Поэтический стих, утверждающий авторский идеал, стал крылатым выражением в русском языке: «Сейте разумное, доброе, вечное». Русский поэт воплощает национальный идеал, в котором разумное и доброе неразрывны, который основан на вечных этических ценностях, генетически связанных с евангельской традицией.

Заключение

Итак, Притча о сеятеле, как и другие евангельские притчи, явилась концептуальным источником для формирования художественной картины мира русской

классической литературы. Обращение к притче в русской поэзии проявляется на уровне сюжета, мотивов, ключевых образов. Интертекстуальные связи с ней оформлялись посредством цитирования, аллюзий и реминисценций.

Притча о сеятеле соотносена с ключевым образом русской классической поэзии – пророком, подвижником, духовным тружеником. В лирике Пушкина образ сеятеля приобретает пророчески-обличительный пафос. В творчестве Боратынского, Хомякова евангельские аллюзии и реминисценции приобретают философскую и религиозную направленность, раскрывая представления о земной жизни, её ценностных итогах, о принятии физической смерти. В творчестве Хомякова образ человека-пахаря связан с духовным подвигом христианина. В гражданской лирике Огарёва, Некрасова этот образ развивается в контексте идеи социального, просветительского служения. Образность, восходящая к евангельской Притче о сеятеле, неразрывно связана с национальными концептами Логоса, духовной свободы и покоя.

В русской лирике XIX в. художественная рецепция Притчи о сеятеле, имея общий религиозно-этический и культурный код, приобретает разнообразные трактовки (от молитвенной и исповедальной до обличительно-сатирической, идеологической). Диалог с евангельской притчей развивается в контексте образной динамики и диалектики, сопровождается рефлексией, автокомментариями, утверждением программных положений.

Статья поступила в редакцию 03.06.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатова Т. А., Поташова К. А. Поэтический космос Е. А. Баратынского: Стихотворение «Осень» в свете карамзинской традиции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 188–193. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-188-194
2. Белецкий А. Н. Парадоксы евангельских притчей // Дамаскин. 2024. № 1 (65). С. 50–55.
3. Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. М.: Языки русской культуры, 2007. 656 с.

¹ Живо // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. СПб. М.: Издательство книгопродавца типографа М. О. Вольфа, 1880. С. 650.

² Там же.

³ Некрасов Н. А. Сеятелям // Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 3. Л.: Наука, 1982. С. 180.

4. Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб.: Академический проект, 1999. 400 с.
5. Дамьян Н. А. Роль притчи в творчестве А. С. Пушкина // Болдинские чтения: сборник статей по материалам международной научной конференции, Болдино, 15–17 сентября 2020 г. / отв. ред. И. С. Юхнова. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н. А. Добролюбова, 2021. С. 70–73.
6. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках. М.: Издательский совет Русской православной церкви, 2003. 1056 с.
7. Жукова О. А. Творчество и религиозность в русской культуре. Философские исследования. М.: Согласие, 2022. 593 с.
8. Ианнуарий (Ивлев), архим. Жемчужины Нагорной проповеди. О главном в христианстве. М.: Никея, 2020. 352 с.
9. Кошемчук Т. А. Русская поэзия в контексте православной культуры. СПб.: Наука, 2006. 639 с.
10. Ларионова Е. О. О тексте стихотворения «Свободы сеятель пустынный...» // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. № 1. С. 245–249.
11. Лотман Ю. М. Две «Осени» // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 394–406.
12. Ничипоров И. Б. Русская литература и Православие: пути диалога в истории и современности. М.: МАКС Пресс, 2022. 232 с.
13. Религиозные коды русской литературы XIX–XX веков: коллективная монография / под ред. С. Б. Королевой. М.: ЛЕНАРД, 2023. 304 с.
14. Ромодановская Е. К. Специфика жанра притчи в древнерусской литературе // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сборник научных трудов. Петрозаводск: Петрозаводский университет, 1998. С. 73–111.
15. Ромодановская Е. К., Капинос Е. В. От притчи к роману // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2010. № 3 (60). С. 119–131.
16. Супрунова Д. А. «У нас один лишь Бог...» (басня и притча в русской литературе XVIII века // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 1 (14). С. 7–17.
17. Успенский П. Ф. «Путём зерна» как формула революции: Ходасевич, Некрасов, крестьянские поэты и аграрная топка русской лирики // Русская литература. 2020. № 2. С. 131–147. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-131-147
18. Филология и теология: актуальные вопросы междисциплинарных исследований: коллективная монография / отв. науч. ред. и сост. С. В. Феликсов. М.: Перервинская духовная семинария, 2022. 268 с.
19. Шатин Ю. В. Современные метаморфозы притчи // Притча в русской словесности: от Средневековья к современности: коллективная монография / отв. ред. Е. Н. Проскурина, И. В. Силантьев. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2014. С. 448–454.

REFERENCES

1. Alpatova T. A., Potashova K. A. [Poetic space of E. A. Baratynsky: The poem “Autumn” in the light of the Karamzin tradition]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], 2016, no. 5, pp. 188–193. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-188-194
2. Beletsky A. N. [Paradoxes of the Gospel parables]. In: *Damaskin* [Damaskin], 2024, no. 1 (65), pp. 50–55.
3. Bocharov S. G. *Filologicheskie syuzhety* [Philological plots]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2007. 656 p.
4. Gasparov B. M. *Poeticheskij yazyk Pushkina kak fakt istorii russkogo literaturnogo yazyka* [Pushkin's poetic language as a fact in the history of the Russian literary language]. St. Petersburg: Akademicheskij projekt Publ., 1999. 400 p.
5. Damyann N. A. [The role of parable in the works of A. S. Pushkin]. In: *Boldinskie chteniya: sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Boldino, 15–17 sentyabrya 2020 g.* [Boldino readings: a collection of articles based on the materials of the international scientific conference, Boldino, September 15–17, 2020]. Nizhny Novgorod, N. A. Dobrolyubov National Research University of Nizhny Novgorod Publ., 2021, pp. 70–73.
6. Dunaev M. M. *Vera v gornile somnenij: Pravoslavie i russkaya literatura v XVII–XX vekah* [Faith in the Crucible of Doubt: Orthodoxy and Russian Literature in the 17th–20th Centuries]. Moscow, Publishing Council of the Russian Orthodox Church Publ., 2003. 1056 p.
7. Zhukova O. A. *Tvorchestvo i religioznost' v russkoj kul'ture. Filosofskie issledovaniya* [Creativity and religiosity in Russian culture. Philosophical Research]. Moscow, Soglasie Publ., 2022. 593 p.

8. Iannuarii (Ivlev). *Zhemchuzhiny Nagornoj propovedi. O glavnom v hristianstve* [Pearls of the Sermon on the Mount. About the Main Thing in Christianity]. Moscow, Nikeya Publ., 2020. 352 p.
9. Koshemchuk T. A. *Russkaya poeziya v kontekste pravoslavnoj kul'tury* [Russian Poetry in the Context of Orthodox Culture]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 639 p.
10. Larionova E. O. [On the Text of the Poem "The Desert Sower of Freedom..."]. In: *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation], 1999, no. 1, pp. 245–249.
11. Lotman Yu. M. [Two "Autumns"]. In: *Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic School]. Moscow, Gnozis Publ., 1994, pp. 394–406.
12. Nichiporov I. B. *Russkaya literatura i Pravoslavie: puti dialoga v istorii i sovremennosti* [Russian Literature and Orthodoxy: Paths of Dialogue in History and Modernity]. Moscow, MAKSS Press Publ., 2022, 232 p.
13. Koroleva S. B., ed. *Religioznye kody russkoj literatury XIX–XX vekov* [Religious Codes of Russian Literature of the 19th–20th Centuries]. Moscow, LENARD Publ., 2023. 304 p.
14. Romodanovskaya E. K. [Specifics of the Parable Genre in Old Russian Literature]. In: *Evangel'skij tekst v russkoj literature XVIII–XX vekov: citata, reminiscenciya, motiv, syuzhet, zhanr* [Religious Codes of Russian Literature of the 19th–20th Centuries: Gospel Text in Russian Literature of the 18th–20th Centuries: Quote, Reminiscence, Motif, Plot, Genre: Collection of Scientific Papers]. Petrozavodsk, Petrozavodsk University Publ., 1998, pp. 73–111.
15. Romodanovskaya E. K., Kapinos E. V. [From parable to novel]. In: *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation], 2010, no. 3 (60), pp. 119–131.
16. Suprunova D. A. ["We have only one God..." (a fable and a parable in the Russian literature of the 18th century)]. In: *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Smolensk State University], 2018, no. 1 (14), pp. 7–17.
17. Uspensky P. F. ["Grain's Way as a Formula of a Revolution: Khodasevich, Nekrasov, Peasant Poets and the Agrarian Topoi in Russian Poetry"]. In: *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2020, no. 2, pp. 131–147. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-131-147
18. Feliksov S. V., ed. *Filologiya i teologiya: aktual'nye voprosy mezhdisciplinarnyh issledovanij* [Philology and Theology: Current Issues of Interdisciplinary Research]. Moscow, Perervinskaya Dukhovnaya Seminary Publ., 2022. 268 p.
19. Shatin Yu. V. [Modern metamorphoses of parable // Parable in Russian literature: from the Middle Ages to the present]. In: *Pritcha v russkoj slovesnosti: ot Srednevekov'ya k sovremennosti* [Parable in Russian literature: from the Middle Ages to the present]. Novosibirsk, Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 2014, pp. 448–454.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Косяков Геннадий Викторович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка русского языка Военного института (инженерно-технического) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва Министерства обороны Российской Федерации;
e-mail: gen777kos@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gennady V. Kosyakov – Dr. Sci. (Philological Sciences), Head of the Department, Russian Language Department, Military Institute (Engineering and Technical), Military Academy of Logistics named after General of the Army A. V. Khrulev of the Ministry of Defense of the Russian Federation;
e-mail: gen777kos@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Косяков Г. В. Художественная рецепция евангельской притчи о сеятеле в русской поэзии XIX в. // Отечественная филология. 2025. № 1. С. 91–100.
DOI: 10.18384/2949-5008-2025-1-91-100

FOR CITATION

Kosyakov G. V. Artistic Reception of the Gospel Parable of the Sower in Russian Poetry of the 19th Century. In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 1, pp. 91–100.
DOI: 10.18384/2949-5008-2025-1-91-100